

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ТЕОРИЯХ NEW CLASSICAL NATURAL LAW

А.В. НЕХАЕВ,

доктор философских наук,
профессор Института
социально-гуманитарных наук
Тюменского государственного
университета
(Россия, г. Тюмень)
e-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа зарубежной научной литературы в области философии права, раскрывающей тенденции эволюции и развития естественно-правовых концепций. Несмотря на значительное число публикаций по теории естественного права, ее ключевые тезисы и аргументы обсуждаются постсоветскими учеными в отрыве от современных дискуссий зарубежными правоведами. *Предметом* исследования в статье является реконструкция и рациональная интерпретация аргументов теорий естественного права, образующих доктрину так называемого *New Classical Natural Law* (NCNL) и представленных в работах Джона Финниса и Жермена Гризе. *Целью* настоящего исследования выступает попытка раскрыть логическую структуру аргументации юснатуралистов, в особенности ответов на вопрос «Почему для агентов было бы рациональным уважать чужие естественные права?».

В статье применены традиционные методы, характерные для философско-правовых исследований, в том числе методы логического и лингвистического анализа, исторической реконструкции и рациональной интерпретации. *Новизна* данной научной статьи обусловлена новым подходом к раскрытию аргументов и логической структуры рассуждений сторонников теории естественного права. Прояснение характера, преимуществ и недостатков такой аргументации может стать основой для дальнейших философско-правовых исследований.

Ключевые слова: аналитическая философия права; теория естественного права; естественные права; общее благо; агент; права и обязанности; обязательства.

Введение

Принято различать три типа отношений (корреляции), в которых могут состоять права и обязательства агентов: юридические, логические и моральные.

В первом случае обязательства агента *Б* в отношении агента *А* возникают как результат реализации (социально установленной) процедуры наделения *А* некоторыми конкретными правами. Проще говоря, обязательства агента *Б* в отношении *А* возникают на основе определенных социальных фактов в виде принятых в их обществе законов или статутов, или (как вариант) на основе добровольных контрактов между *А* и *Б*, которые порождают и регулируют некоторые конкретные права и обязательства сторон (вроде договора купли-продажи и т.п.).

Основные положения

Ядром доктрины логической корреляции прав и обязательств агентов является тезис о том, что утверждения о правах *всегда* влекут за собой определенные утверждения об обязательствах. Есть (как минимум) две устойчивые интерпретации требований и содержания такой доктрины. Во-первых, можно считать, что точно так же, как утверждения о правах *всегда* влекут определенные утверждения об обязательствах, утверждения об обязательствах *всегда* влекут за собой определенные утверждения о правах [7, р. 48, 53-54; 6, р. 179; 2, с. 212-213]. Если утверждение «*А имеет право на Ф в отношении Б*» *всегда* влечет за собой «*Б имеет обязательство Ф в отношении А*», то *верным должно быть также и обратное*. При таком понимании нормативное отношение агента *А* к праву на *Ф* не порождает обязательства агента *Б* как некоторой отдельной и отличной от самого этого права вещи. Права и обязательства являются в этом случае просто разными названиями одного и того же нормативного отношения (в зависимости от точки зрения агента, с которой оно рассматривается). Если принять данную интерпретацию, то тогда вопрос Q1 – «Почему для агентов было бы рациональным уважать чужие естественные права?» – тривиален, так как всякое успешное обоснование права агента *А* на *Ф* будет одновременно и обоснованием обязательства *Ф* агента *Б* в отношении *А*. Например, право *А* на жизнь будет логически эквивалентно обязательству *Б* не причинять своими действиями *А* смерть и т.д.

Вопрос Q1 отчасти сохраняет свой *технический* смысл в том случае, если доктрина логической корреляции прав и обязательств подразумевает, что (по крайней мере при определенных условиях) право агента *А* на *Ф* логически предшествует обязательству *Ф* агента *Б* в отношении *А*. При таком понимании факты существования обязательств со стороны агентов в отношении других лиц устанавливаются на основе аргументов в пользу существования прав этих лиц, которые становятся основой таких обязательств. Самый простой пример этого можно найти в аргументах о существовании прав животных как основы наших обязательств не причинять им своими действиями смерть или избыточные страдания. Для тех, кто выступает за права животных, ссылки на подобные права играют роль оправдания или объяснения наших обязательств перед животными. В этом случае ответ на вопрос Q1 будет дополнительным выводом, производным от аргумента, обосновывающего существование определенного права. Проблема однако в том, что защитники доктрины NCNL, и прежде всего Джон Финнис [1], вряд ли бы согласились принять такое понимание отношений прав и обязательств. Ведь оно предполагает интерпретацию естественных прав в терминах индивидуальных прав (или того, что иногда называется агент-относительной трактовкой естественных прав).

Материалы и методы

В статье в качестве источников использованы зарубежная философско-правовая литература, а также характерные для философии права методы логического анализа, исторической реконструкции и интерпретации.

Результаты и обсуждение

Приведем простой пример. Возьмем утверждение «Неправильно причинять смерть людям», которое выражает факт о существовании определенного естественного права (права на жизнь). Интерпретация этого естественного права в терминах индивидуальных прав (или агент-относительная трактовка) требует аргументации следующего вида: *А* имеет «право на *Ф*» (в данном случае право на жизнь); значит, *Б* имеет «обязательство *Ф* в отношении *А*» (не причинять своими действиями смерть *А*); если *Б* нарушает «обязательство *Ф* в отношении *А*» (причиняет смерть *А*), он действует неправильно. В то время как аргументы защитников доктрины NCNL оперировали бы интерпретацией этого естественного права в терминах базовых благ (или агент-нейтральной трактовкой): существует «*Ф*» (жизнь является базовым благом); всякое преднамеренное действие против «*Ф*»

(причинение смерти кому-либо) всегда неправильно; значит, *Б* имеет ‘*обязательство в отношении Ф*’ (не причинять кому-либо своими действиями смерть); если *Б* нарушает ‘*обязательство в отношении Ф*’ (причиняя своими действиями агенту *А* смерть), он действует неправильно. Несмотря на одни и те же выводы, это два разных по своей форме аргумента: ‘*обязательство Ф в отношении А*’ ≠ ‘*обязательство в отношении Ф*’. Это различие играет принципиальную роль в доктрине NCNL и его нельзя игнорировать или недооценивать. Оно демонстрирует почему доктрина NCNL находится в потенциальном конфликте с тезисом о логической корреляции прав и обязательств. В аргументах защитников доктрины NCNL искомый ответ на вопрос Q1 не является простой *логической производной* от понятия естественного права (интерпретируемого в виде индивидуального права либо как ‘*А имеет право на Ф в отношении А*’ ↔ ‘*А имеет обязательство Ф в отношении А*’, либо как ‘*А имеет право на О*’ → ‘*Б имеет обязательство Ф в отношении А*’), напротив, он является *практическим эффектом* морального статуса естественного права как базового блага.

Используем в качестве иллюстрации аргумент Джона Финниса. Практическая разумность, согласно точке зрения Дж. Финниса [1], сводится к способности людей пользоваться своими свободой и разумом как важнейшими характеристиками нашей агентности. Основой практической разумности служат принципы, необходимые для того, чтобы люди формировали представление о базовых благах и принимали участие в действиях, имеющих своей целью определенные базовые блага (и выражающие их соответствующие естественные права). Если человек ведет себя в согласии с принципами практической разумности и продвигает своими действиями базовые блага, тогда *практическим результатом* этих действий будет состояние, в котором достигается *минимально достойное* обращение со всеми людьми.

Как известно, Дж. Финнис приводит девять принципов практической разумности, из которых наибольший интерес для аргумента имеют следующие три: (V.7) уважать базовые блага в каждом из своих действий; (V.4) не проявлять произвольных предпочтений в отношении людей; (V.8) содействовать общему благу своих сообществ. Принимая во внимание данные принципы, Дж. Финнис строит свой аргумент как ответ на интересующий нас вопрос Q1:

(P1) Существуют *Ф* (базовые блага).

(P2) Действовать против *Ф* (базовых благ) *всегда* неправильно (читай – каждый агент имеет ‘*обязательство в отношении Ф*’).

(P3) Совершать некоторые действия с людьми (например, причинять им своими действиями смерть) означало бы действовать против *Ф* (базового блага).

(C1) Следовательно, некоторые действия (если агент этих действий отвечает принципам практической разумности) никогда не должны совершаться в отношении людей.

(C1*) А значит, предоставление ЕП (в виде базовых благ) *всем* агентам (без исключения) *всегда* отвечает принципам практической разумности.

Защитники доктрины NCNL отнюдь не случайно характеризуют корреляцию прав и обязательств агентов как *моральное отношение*. Для них всякое ‘моральное суждение о том, что правильно’ есть не более, чем ‘разумное во всех отношениях практическое суждение’, – результат здравого практического мышления, отвечающего всем требованиям практической разумности. И в этом смысле для защитников доктрины NCNL представимы ситуации, где существующее право агента *А* на *Ф* не служит основанием соответствующей обязанности с чьей-либо стороны, равно как и ситуации существования таких обязанностей *Ф*, которые не создают чьих-либо прав. Иными словами, для защитников доктрины NCNL, в отличие от сторонников доктрины логической корреляции, существуют права, которые не имеют коррелятов в форме определенных обязательств с чьей-либо стороны, точно так же как есть обязательства, не имеющие коррелятов в виде чьих-либо прав (то, что иногда называется ‘*imperfect duty*’). В частности, для них не было бы ошибкой утверждать, что иногда *быть бенефициаром определенного обязательства с чьей-либо стороны*

ей-либо стороны не значит то же самое, что иметь на это право. Например, если агент *A* принимает принцип практической разумности (V.8) в виде требования содействовать общему благу своих сообществ, тогда путем практических размышлений он может обнаружить для себя обязательство быть благотворителем (особенно в случае, когда *A* обладает большими материальными ресурсами, которые приобретены законным образом). Но признание подобного обязательства вовсе не означало бы, что в мире есть такой агент *B*, который имеет право на данное обязательство со стороны *A*. Для доктрины логической корреляции все подобные ситуации были бы источником проблем из-за отсутствия в ней удовлетворительного способа провести различие между правами, являющимися основой обязательств со стороны других агентов, и правами, которые таковыми не являются, а также аналогичным образом, между так называемыми ‘совершенными’ и ‘несовершенными’ обязательствами.

Следует также отметить, что и в целом вопрос Q1 «Почему для агентов было бы рациональным уважать чужие естественные права?», если понимать его, прежде всего, как вопрос Q1* «Почему агент должен признавать в качестве обязательства для своих действий требование содействовать либо (как минимум) благосклонно учитывать некоторые важные интересы других людей (особенно в случаях, когда они вступают в конфликт с его собственными)?», может встретить сопротивление со стороны консервативно настроенных защитников доктрины NCNL. В частности, они могли бы настаивать на том, что вопрос Q1* имеет смысл тогда и только тогда, когда мы имплицитно предполагаем возможность редукции базовых благ (и стоящих за ними соответствующих естественных прав) к некоторым ограниченным видам ресурсов.

Для многих консервативно настроенных защитников доктрины NCNL кажется очевидным, что вопрос Q1* имеет смысл только в том случае, если мы заведомо признаем, что ‘базовое благо Φ ’ = ‘некоторый ресурс X ’, и сам по себе такой ресурс X ограничен или исчерпаем, поэтому действие агента *A* по освоению X (пусть даже и просто выраженное им в форме притязания) составляет для агента *B* проблему по причине ограниченности или исчерпаемости ресурса X (данный момент намеренно акцентируется сделанной в вопросе Q1* явной оговоркой – ‘особенно в случаях, когда они [некоторые важные интересы других людей] вступают в конфликт с его собственными’).

Есть способ заблокировать вопрос Q1*, указав на то, что имплицитная посылка ‘базовое благо Φ ’ = ‘некоторый ресурс X ’ либо требует отдельного независимого обоснования, либо попросту является ложной. Первая из этих альтернатив широко представлена в дискуссиях о том, является ли так называемое ‘right to subsistence’ (право на средства к существованию) примером естественного права, в отличие от того же ‘right to life’ (права на жизнь). В частности, мы можем не считать его таковым, объясняя его присутствие в перечне основных прав человека (п. 1 статьи 25 Всеобщей декларации прав человека) как результат реализации политической концепции прав, а не доктрины естественных прав. Попытка трактовать право на средства к существованию в качестве примера естественного права требовала бы признания посылки ‘базовое благо Φ ’ = ‘некоторый ресурс X ’, а вслед за этим неизбежно ставила бы и вопрос о справедливой дистрибуции ресурса X .

Именно в этом смысле кажется неслучайным стремление многих консервативно настроенных защитников доктрины NCNL сопротивляться включению в перечень естественных прав любых кандидатов на роль базового блага, которые были бы прямо или косвенно связаны с вопросом дистрибуции некоторого ограниченного ресурса X (даже если сами они объясняют свое стремление другими мотивами). Например, что мешает включить в перечень базовых благ опыт сексуальной близости, романтической любви, родительства и т.п.? Каждый из представленных примеров вполне удовлетворяет ключевым характеристикам базового блага (является чем-то, что было бы в целом хорошо делать, либо обладать этим, либо быть этим, – то есть чем-то, что обладает внутренней ценностью для агентов). Допустим, существует сообщество (в своих основных чертах похожее на типичное сообщество людей), в котором опыт сексуальной близости принят как

базовое благо, и некоторый агент *A* этого сообщества продвигает в своей жизни ценность опыта сексуальной близости (соблюдая требования принципа практической разумности (V.3) в форме запрета на произвольные предпочтения среди базовых благ). Проблема в том, что принятие такого опыта за базовое благо (как минимум) косвенно предполагает возможность редукции данного блага к некоторому ресурсу *X* – в виде ограниченного набора незанятых и открытых для такого опыта партнеров. Допустим теперь для простоты, во-первых, что в нашем воображаемом сообществе нет половых различий между агентами (они являются гермафродитами), и во-вторых, что число незанятых и открытых для опыта сексуальной близости партнеров ограничивается тремя агентами – *A*, *B* и *V*. Реализация ценности опыта сексуальной близости *A* в отношениях с *B* ставила бы третье лицо – агента *V* – в проблематичную ситуацию, когда сам факт того, что *A* продвигает в своей жизни данную ценность, лишает *B* возможности делать то же самое (опять же ради простоты нашего примера исключим из рассмотрения всякие экзотические практики). Очевидно, подобная ситуация ставила бы доктрину естественного права перед необходимостью отвечать на вопрос о справедливой дистрибуции ограниченного ресурса *X*, скажем, требовало бы разного рода ‘оговорок’ в духе Дж. Локка ‘оставлять другим то же количество ресурса *X* и надлежащего качества’. Поэтому консервативно настроенные защитники доктрины NCNL при желании могут заблокировать вопрос Q1* применяя то, что можно было бы назвать ‘тестом на дистрибуцию’ – *некоторое Ф является базовым благом тогда и только тогда, когда реализация Ф в жизни любого из агентов некоторого сообщества не способна поставить других агентов в дискриминируемое положение.*

Важно отметить также, даже если мы представим наш исходный вопрос в модифицированной формулировке, как вопрос Q2: «Можно ли обосновать естественные права, признавая обособленность людей и вытекающую из этого агент-относительную природу ценности?». Этот новый вопрос также может встретить возражения со стороны консервативно настроенных защитников доктрины NCNL. Прежде всего, они могли бы оспорить довольно популярный ответ на него в форме следующего вида рассуждения: люди по природе своей социальные и зависимые существа (каждый человек испытывает в своей жизни периоды острой нужды в помощи и заботе со стороны других людей), поэтому реализация ими в своих собственных жизнях большинства базовых благ требует отзывчивости к потребностям и интересам других людей. Такое рассуждение существенно и, как кажется, не совсем оправданно ограничивает универсализм доктрины естественных прав, по крайней мере, в той его форме, о которой заявляет сам автор. Консервативно настроенные защитники доктрины NCNL могли бы заметить, что стандартная дефиниция естественных прав гласит: Естественные права – это базовые моральные права, которыми обладают не только все люди, но также и все существа с определенными морально значимыми свойствами (например, на существ обладающих сентиментальностью (способностью испытывать чувства, вроде боли или удовольствия), свободой, практической рациональностью и др.).

В принципе такое расширение класса моральных агентов, на которых может быть распространено действие естественного права, не только вполне допустимо, но и обычно не вызывает особых возражений. Проблема однако в том, что тогда рассуждение, в котором содержится ответ на вопрос Q2, перестанет справляться с возлагаемой на него универсальной ролью. Ведь оно существенным образом основывается на понимании *способа*, которым базовые блага могут быть связаны с человеческой природой.

Для защитников доктрины NCNL наиболее правдоподобными видятся следующие два варианта:

(i) базовые блага находятся в *контрфактической* зависимости от человеческой природы, поэтому, если бы она была в достаточной степени иной, чем есть, то и базовые блага были бы другими;

(ii) базовые блага находятся в *каузальной* зависимости от природы человека, поэтому, если со временем она изменится, то и базовые блага также станут иными (как прямое следствие изменений в естественных свойствах человека). Оба эти варианта создают проблемы.

Для иллюстрации представим Морального Робинзона – воображаемое существо с морально значимыми свойствами (обладающее свободой и способное действовать на основе требований практической разумности). Моральный Робинзон во всем похож на людей, за исключением того, что его природа позволяет ему в течение всей жизни не испытывать никакой зависимости от каких-либо других существ. Для простоты нашего примера допустим, что посредством практической рефлексии Моральный Робинзон определил для себя список базовых благ, почти полностью идентичный списку человеческих базовых благ Дж. Финниса (жизнь, знание, игра, эстетический опыт, практическая разумность, религия), исключая лишь то, что люди называют «дружбой или общительностью». Представим далее, что в мире, где обитает Моральный Робинзон, появляется еще одно воображаемое существо с морально значимыми свойствами – Моральный Пятница. В такой ситуации было бы вполне естественным задаться двумя вопросами. Во-первых, уже знакомым вопросом Q1* «Имеет ли Моральный Робинзон рациональные основания содействовать либо (как минимум) благосклонно учитывать некоторые важные интересы Морального Пятницы?». И во-вторых, важным дополнительным вопросом Q1** «Учет каких именно важных интересов других существ с морально значимыми свойствами (вроде Морального Пятницы) следует Моральному Робинзону принимать во внимание, когда он действует?». Благодаря специфическим условиям воображаемого примера с Моральным Робинзоном и Моральным Пятницей возможные ответы на вопрос Q1* и вопрос Q1** можно рассматривать как составные части ответа на вопрос Q2. Очевидно, что в своих ответах на вопросы Q1* и Q1** Моральный Робинзон не может воспользоваться приведенным выше рассуждением (ссылками на социальный и зависимый характер своей собственной природы). Здесь ему потребовался бы аргумент более универсального характера (в данном случае ‘универсальный’ не значит ‘агент-нейтральный’), – аргумент, действенность которого не опиралась бы на тезис о контрфактической или каузальной связи базовых благ с особенностями природы существ, обладающих морально значимыми свойствами.

Таких аргументов не так много, но они все же существуют. Это мог бы быть, например, аргумент Алана Гевирта, в основе которого находится The Principle of Generic Consistency (PGC) [3, p. 135]. В своей ассерторической форме данный принцип гласит: (APGC) *каждый агент должен действовать в соответствии с общими правами реципиентов своих действий в той же степени, что и собственными*. Принцип (APGC) логически следует из посылки ‘агенты должны делать то, что они логически обязаны признать, что они должны делать’ и диалектической формы принципа: (DPGC) *каждый агент логически обязан признать, что он должен действовать в соответствии с общими правами реципиентов своих действий в той же степени, что и собственными*.

Заключение

Обоснование (DPGC) включает в себя следующие этапы:

(а) каждый агент имплицитно делает аксиологические суждения о благодати *своих* целей и, следовательно, о благодати свободы и благополучия, которые являются *необходимыми условиями* для его действий по достижению своих целей;

(б) из-за этой необходимой благодати каждый агент имплицитно выносит деонтическое суждение, в котором он утверждает, что *имеет право на свободу и благополучие*;

(с) каждый агент должен претендовать на эти права по той достаточной причине, что он является потенциальным агентом, имеющим цели, которые он хочет достигнуть, а значит, логически обязан принять обобщение, что *все потенциальные целеустремленные агенты имеют право на свободу и благополучие*.

Наконец, из (с) можно сделать заключение о том, что каждый агент должен признать определенные общие обязательства в отношении всех других потенциальных агентов, а именно, что *обязан воздерживаться* от вмешательства в их свободу и благополучие, и что *обязан помогать* им обрести свободу и благополучие всякий раз, когда они не могут иметь эти необходимые блага каким-либо иным образом. Поскольку принцип (APGC) основан

на понятиях разума и агентности [3, р. 21], он (и это для нас особенно важно) обеспечивает независимую от природы каких-либо потенциальных агентов переменную, по отношению к которой можно судить о правильности совершаемых действий. Ни одно действие не может получить рациональное оправдание, если нарушает требования принципа (APGC). Представленный Гевиртом аргумент содержит в себе все нужные ответы на вопросы Q1* и Q1**: для Морального Робинзона (независимо от того, какова его природа, включая факты наличия или отсутствия в его жизни значительных периодов острой нужды в помощи и заботе со стороны других агентов и т.п.) *было бы рациональным содействовать свободе и благополучию Морального Пятницы (как существа с морально значимыми свойствами) во всех случаях, когда тот не может иметь их каким-либо иным образом.*

А.В. Нехаев, философия ғылымдарының докторы, Тюмень мемлекеттік университетінің әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар Институтының профессоры (Ресей Федерациясы, Тюмень қ.): New classical natural law теорияларындағы табиғи құқықтарды негіздеу мәселесі.

Бұл зерттеудің *өзектілігі* табиғи-құқықтық тұжырымдамалардың эволюциясы мен даму тенденцияларын ашатын Құқық философиясы саласындағы шетелдік ғылыми әдебиеттерді талдау қажеттілігіне байланысты. Табиғи құқық теориясы бойынша көптеген жарияланымдарға қарамастан, оның негізгі тезистері мен дәлелдерін посткеңестік ғалымдар шетелдік заңгерлердің заманауи пікірталастарынан бөлек талқылайды. Мақаладағы зерттеу *тақырыбы* – *New Classical Natural Law (NCNL)* деп аталатын доктринаны құрайтын және Джон Финнис пен жермен Гриздің еңбектерінде ұсынылған табиғи құқық теорияларының дәлелдерін қайта құру және ұтымды түсіндіру. Бұл зерттеудің *мақсаты* – юснатуралистердің дәлелдерінің логикалық құрылымын ашуға тырысу, әсіресе «Неліктен агенттер үшін басқалардың табиғи құқықтарын құрметтеу ұтымды болар еді?».

Мақалада философиялық-құқықтық зерттеулерге тән дәстүрлі әдістер, соның ішінде логикалық және лингвистикалық талдау, Тарихи қайта құру және ұтымды түсіндіру әдістері қолданылады. Бұл ғылыми мақаланың жаңалығы табиғи құқық теориясын жақтаушылардың дәлелдері мен логикалық ойлау құрылымын ашудың жаңа тәсіліне байланысты. Мұндай Аргументтің сипатын, артықшылықтары мен кемшіліктерін нақтылау одан әрі философиялық-құқықтық зерттеулер үшін негіз бола алады.

Түйінді сөздер: құқықтың аналитикалық философиясы; табиғи құқық теориясы; табиғи құқықтар; жалпы игілік; агент; құқықтар мен міндеттер; міндеттемелер.

A.V. Nekhaev, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Social Studies and Humanities, Tumen State University (Tumen, Russia): The Problem of Natural Rights Justification in the New Classical Natural Law Theories.

The relevance of this study is due to the need to analyze foreign scientific literature in the field of philosophy of law, revealing trends in the evolution and development of natural law theories. Despite the significant number of publications on the theory of natural law its key theses and arguments are discussed by post-soviet scientists in isolation from modern discussions by foreign jurists. *The subject of the research* in the paper is the reconstruction and rational interpretation of the arguments of natural law theories forming the doctrine of the so-called New Classical Natural Law (NCNL) and presented in the works of John Finnis and Germain Grisez. *The purpose of this study* is an attempt to reveal the logical structure of the natural law argumentation, especially the answers to the Question «Why would it be rational for agents to respect other people's natural rights?».

The paper uses traditional methods typical of philosophical and legal research, including methods of logical and linguistic analysis, historical reconstruction and rational interpretation. *The novelty of this paper* is due to a new approach to the disclosure of arguments and the logical structure of the reasoning of proponents of the theory of natural law. Clarification of the nature, advantages and disadvantages of such an argument can become the main one for further philosophical and legal research.

Keywords: analytical philosophy of law; theory of natural law; natural rights; common good; agent; rights and obligations; obligations.

Список литературы:

1. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с.
2. Хофельд У. Н. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации. Правоведение. 2012. No. 3 (302). С. 203–227.
3. Gewirth A. Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 393 p.
4. Grisez G. Christian Moral Principles. Vol. 1: Way of the Lord Jesus. Chicago: Franciscan Herald Press, 1983. 971 p.
5. Grisez G. The First Principle of Practical Reason: A Commentary on the Summa Theologiae, 1-2, Question 94. The Natural Law Forum. 1965. Vol. 10. No. 1. P. 168–201.
6. Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? The Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No. 2. P. 175–191.
7. Ross D. The Right and the Good. Oxford: Oxford University Press, 2002. 183 p.

References:

1. Finnis J. Estestvennoe pravo i estestvennie prava [Natural Law and Natural Rights]. Moscow, Mysl, 2012. 554 p.
2. Hofeld U.N. Nekotorie osnovnie uridicheskie ponyatia v prilozhenii k sudebnoi argumentacii [Some basic legal concepts in judgment argumentation]. Pravovedenie. 2012. No. 3 (302). P. 203–227.
3. Gewirth A. Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 393 p.
4. Grisez G. Christian Moral Principles. Vol. 1: Way of the Lord Jesus. Chicago: Franciscan Herald Press, 1983. 971 p.
5. Grisez G. The First Principle of Practical Reason: A Commentary on the Summa Theologiae, 1-2, Question 94. The Natural Law Forum. 1965. Vol. 10. No. 1. P. 168–201.
6. Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? // The Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No. 2. P. 175–191.
7. Ross D. The Right and the Good. Oxford: Oxford University Press, 2002. 183 p.

Для цитирования и библиографии: Нехаев А.В. Проблема обоснования естественных прав в теориях New Classical Natural Law // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 18-25. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_18

Материал поступил в редакцию 25.04.2024.